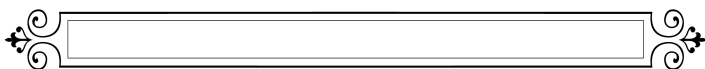

*Посвящается Мэгги
Пижамы для кошки, навсегда.*

*Памяти Скипа — нежного брата,
доброего друга, который разделил
со мной те прекрасные
юные годы в Грин-тауне,
штат Иллинойс*

*Выражаю благодарность
Донну Олбрайту за то,
что перерыл мои подвалы
и нашел рассказы,
о которых я давным-давно
забыл. Ты по-прежнему
мой «золотистый ретривер».*

ВСТУПЛЕНИЕ

Жив, здоров, пишу

Что можно сказать о моем сокровенном «я», о моем подсознании, о моем творческом демоне, который пишет за меня все эти рассказы?

Постараюсь найти какой-нибудь свежий способ, чтобы проникнуть в этот процесс, который вот уже семьдесят лет заставляет меня жить, двигаться и писать.

Двумя наглядными примерами того, как я работал начиная с сороковых годов и до сегодняшнего времени, являются мои рассказы «Куколка» и «Собиратель». (Прим.: «Куколка»¹ в этом сборнике отличается от одноименного рассказа, опубликованного в 1946 году в журнале «Эмейзинг сториз» и позднее включенного в сборник «“К” значит космос» («S is for Space»). Просто мне так понравилось это название, что я использовал его дважды.)

Когда-то, в сороковые, мы с братом долгими летними днями проводили все свое свободное время на

¹ В русских изданиях рассказ 1946 года «Chrysalis», о котором идет речь, назывался «Куколка» (пер. Н. Гончар) и «Превращение» (пер. Норы Галь). В данном сборнике рассказ «Chrysalis» называется «Куколка», чтобы избежать путаницы с другим рассказом этого же сборника «Превращение» («The Transformation»). (Прим. переводчика.)

пляже. Он был настоящим серфингистом, а я плавал без доски и время от времени слонялся у причала Санта-Моники и перезнакомился со всеми волейбольными игроками и силачами, поднимавшими тяжести. Среди приобретенных друзей было и несколько цветных (в те времена все говорили «цветной»; термины «черный» и «афроамериканец» появились многими годами позже).

Меня заинтересовала идея о том, что цветные в самом деле способны сгореть на солнце; раньше такая мысль никогда не приходила мне в голову. Метафора налицо, я написал рассказ «Куколка», и вот теперь он впервые увидел свет. Я написал этот рассказ и отложил в стол задолго до начала движения за права человека; это продукт своей эпохи, и я надеюсь, он выдержит проверку временем.

«Будем самими собой» — это результат того, что я вырос в доме своей бабушки и отчасти был воспитан чернокожей няней по имени Сьюзен. Это была удивительная женщина, и все свое детство один раз в неделю я с нетерпением ждал ее прихода.

Когда в 1934 году моя семья переехала на запад, я потерял связь с большинством своих друзей в Уокергане, включая и Сьюзен. Она написала мне вдогонку, спрашивая, не может ли она поехать с нами и быть служанкой в нашей семье. Увы, это был разгар Великой депрессии, мой отец потерял работу, а брат поступил в Гражданский корпус охраны природных ресурсов, чтобы не быть обузой для нашей семьи. Мы были бедны, как церковные мыши, и сами едва держались на плаву. Мне пришлось написать Сьюзен, поблагодарить ее за доброту и пожелать ей счастья в будущем. Это на-

вело меня на мысль когда-нибудь приехать в Уокеган, навестить друзей и повидаться с Сьюзен. Этого так и не произошло, но рассказ стал следствием того, как я воображал себе будущее, и того, что я оказался совсем не таким человеком, каким мне хотелось быть. Я получил известия о Сьюзен много лет спустя: она благополучно пережила весь оставшийся период Великой депрессии.

«Собиратель» — это уже совсем другой рассказ. Много лет назад, во время путешествия через Атлантику, мы с моей женой Мэгги встретили одного удивительного собирателя книг и основателя библиотек. Мы провели несколько часов в его обществе, и нас страшно заинтересовали невероятные истории, которые он рассказывал о своей жизни.

В конце нашей встречи мы оба, я и моя жена, были поражены одним неожиданным поворотом, о котором вы прочтете в рассказе.

Двадцать лет я хранил память об этом путешествии и о том джентльмене, но так и не использовал подаренную им метафору.

Но за прошедшие шесть недель со мной произошло нечто странное и удивительное. В начале ноября моя жена заболела, ее увезли в больницу, и она умерла как раз накануне дня Благодарения. Во время ее болезни и после, впервые за семьдесят лет, мой демон смирно сидел внутри меня. Не стало моей музыки, моей Мэгги, и демон не знал, что ему делать.

Прошли дни, потом недели, и я начал уже спрашивать себя, буду ли я когда-нибудь снова писать; мне было непривычно проснуться утром и не слышать пьесы, которую мои мысли разыгрывали в моей голове на подмостках моего собственного театра.

Но в одно прекрасное утро, несколько дней назад, я проснулся и увидел того джентльмена, «Собирателя», который в ожидании сидел на краешке моей постели и который сказал: «В конце-то концов, напиши мою историю».

Обрадованный, впервые за полтора месяца я позвал свою дочь Александру и надиктовал ей этот рассказ.

Надеюсь, что, сравнив рассказы «Куколка» и «Собиратель», вы поймете: несмотря на разделяющее их время, моя способность распознать метафору не изменилась.

Разумеется, мои писательские способности, когда я писал «Куколку», были гораздо примитивнее, однако сама идея была сильная и достойная внимания.

Рассказ «Дело вкуса» стал следствием того, что в течение долгого времени в моей жизни мне приходилось сталкиваться с пауками: то в поленнице, когда я жил в Тусоне, или по дороге в Мехико, когда мы увидели такого огромного паука, что даже вышли из машины, чтобы рассмотреть его поближе. Он был крупнее моей ладони, ужасно красивый и мохнатый. Вернувшись в Калифорнию, я перво-наперво столкнулся с тем, что в каждом гараже в Лос-Анджелесе прячутся несколько дюжин пауков «черная вдова», так что надо быть осторожным, чтобы тебя не укусили эти ядовитые создания. А потом ты начинаешь думать: интересно, каково это, когда у тебя скелет снаружи, а не внутри, — так что я развернул эту идею в рассказе «Дело вкуса», где нарисовал мир живущих на далекой планете пауков, которые гораздо умнее, чем прилетевшие к ним инопланетные астронавты.

Этот рассказ стал началом замысла киносценария, озаглавленного «Пришелец из космоса» («It Came from Outer Space»), который я написал для студии «Юниверсал» несколько месяцев спустя. Так благодаря истории, захватившей мое воображение, я стал работать на студии и сделал неплохой фильм.

Что касается других рассказов этого сборника, большинство из них родились в моей голове практически мгновенно, и я едва успевал их записывать.

Однажды, полгода назад, я подписывал книги вместе с одним из своих молодых друзей, и мы стали с ним болтать об индейских казино, разбросанных по всем Соединенным Штатам. Неожиданно я сказал своему молодому приятелю: «А что, если кучка пьяных сенаторов проиграет Штаты владельцу какого-нибудь индейского казино?»

Не успел я это сказать, как тут же закричал: «Дай мне карандаш и бумагу», — набросал идею, а несколько часов спустя закончил писать рассказ.

Полгода назад, просматривая «Нью-Йоркер», я наткнулся на серию фотографий бедных оклахомцев, сделанных как будто в тридцатые годы, когда они подались на запад по шоссе 66. Прочтя дальше, я обнаружил, что это были вовсе не оклахомцы, а нью-йоркские модели, наряженные в старые одежды и позировавшие в Нью-Йорке не ранее чем год назад. Это открытие настолько поразило и разгневало меня — как такая трагическая страница нашей истории могла стать темой для модного показа?! — что я написал рассказ «Шестьдесят шесть».

Эта книга также исполнена привязанности к моим любимым писателям. Никогда в жизни я не ис-